

оригинальная статья

<https://elibrary.ru/qwinja>

Видовое разнообразие делинквентных молодежных субкультур в современной России: опыт теоретического исследования

Молчанов Артем Андреевич

Кемеровский государственный университет, Россия, Кемерово
 eLibrary Author SPIN: 7968-4238
<https://orcid.org/0009-0007-9942-8638>
 artem_molchanov_2015@bk.ru

Нятина Наталья Владимировна

Кемеровский государственный университет, Россия, Кемерово
 eLibrary Author SPIN: 9172-7807
<https://orcid.org/0000-0002-8512-3282>

Аннотация: Состояние дезорганизации в обществе является «плодотворной почвой» для развития субкультур среди разных возрастных групп (как положительной, так и отрицательной направленности). С точки зрения инновационного типа адаптации личностью или группой могут разрабатываться определенные ценностные ряды в обновленном формате, актуализирующие другой взгляд на решение существующих противоречий. Одновременно с этим возникают и деструктивные социокультурные объединения, которые готовы пересматривать общепризнанное и принятое. Как следствие, развивается протестная активность, возникают антиобщества (по П. Бергеру). Цель – изучить видовое разнообразие делинквентных субкультур, распространенных среди современной российской молодежи, и рассмотреть причины их возникновения и развития. Осуществляется это посредством подробного изучения существующих подходов к объекту исследования, определения авторской типологии, основанной на социологической интерпретации. Авторами представлены виды молодежных делинквентных субкультур, базирующиеся на анализе их направленности и рисков: субкультуры с возможностью «карьерного продвижения»; субкультуры, направленные на организацию анти-социального досуга; субкультуры, подражающие (копирующие) правила определенных тотальных организаций; субкультуры эскапизма; субкультуры гендерной направленности; уличные субкультуры; субкультуры, чья активность инспирирована скулшутингом. Предложенное видовое разнообразие учитывает те аспекты общественной жизни, которые заслуживают особого внимания исследователей и специалистов. При этом авторы отмечают, что при изучении каждого субкультурного сообщества требуется особый междисциплинарный подход, рассматривающий как социокультурные и правовые адаптационные механизмы, действующие в том или ином обществе, так и причины его формирования и развития в онлайн- и оффлайн-пространствах. **Ключевые слова:** молодежь, субкультуры, субкультурные сообщества, делинквентность, социально опасное поведение, деструктивность, противоправная активность, социальные сети

Цитирование: Молчанов А. А., Нятина Н. В. Видовое разнообразие делинквентных молодежных субкультур в современной России: опыт теоретического исследования. *Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки.* 2024. Т. 9. № 3. С. 326–337. <https://doi.org/10.21603/2500-3372-2024-9-3-326-337>

Поступила в редакцию 08.02.2024. Принята после рецензирования 24.06.2024. Принята в печать 01.07.2024.

full article

Delinquent Youth Subcultures in Russia: Theoretical Research Experience

Artem A. Molchanov

Kemerovo State University, Kemerovo, Russia
 eLibrary Author SPIN: 7968-4238
<https://orcid.org/0009-0007-9942-8638>
 artem_molchanov_2015@bk.ru

Natalia V. Nyatina

Kemerovo State University, Kemerovo, Russia
 eLibrary Author SPIN: 9172-7807
<https://orcid.org/0000-0002-8512-3282>

Abstract: Social disorganization triggers the development of subcultures, both positive and negative. As part of innovative adaptation, a person or a group may update certain sets of values, thus offering an alternative solution to some existing contradictions. Destructive socio-cultural associations, on the contrary, revise and

oppose the generally recognized and accepted values, which leads to protest activity and what Peter Berger defined as anti-societies. The article describes the current diversity of delinquent youth subcultures in Russia and their development. The author designed a typology based on sociological interpretation, affiliations, and risks: 1) subcultures with career prospects; 2) subcultures of antisocial leisure activities; 3) subcultures that imitate certain totalitarian organizations; 4) subcultures of escapism; 5) subcultures of gender orientation; 6) street subcultures; 7) school-shooting subcultures. This classification takes into account those aspects of social life that deserve special scientific attention. Each subcultural community requires a special interdisciplinary approach that would consider its socio-cultural and legal adaptation mechanisms, causes, and online and offline functioning.

Keywords: youth, subcultures, subcultural communities, delinquency, socially dangerous behavior, destructiveness, illegal activity, social networks

Citation: Molchanov A. A., Nyatina N. V. Delinquent Youth Subcultures in Russia: Theoretical Research Experience. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Politicheskie, sotsiologicheskie i ekonomicheskie nauki*, 2024, 9(3): 326–337. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/2500-3372-2024-9-3-326-337>

Received 8 Feb 2024. Accepted after peer review 24 Jun 2024. Accepted for publication 1 Jul 2024.

Введение

Современное российское общество представляет собой многоуровневое, динамичное, исторически сложившееся социокультурное образование, проявляемое в функционировании системы социальных институтов, организаций и групп, деятельность которых направлена на обеспечение устойчивого развития как формальных, так и неформальных социальных связей между людьми и их различными объединениями с учетом постоянного обновления практик общественной активности и участия в определенных сообществах. Первостепенное значение отводится правовым и социальным нормам, обращение к которым выступает легальной формой отнесения поведения людей либо к нормативному, либо к девиантному (отклоняющемуся от социальных норм) и делинквентному (антисоциальному, противоправному). Специфика этих норм – в выражении явления группового сознания, легитимирующего представления членов того или иного общества о требованиях к должному поведению его представителей. В идеальном случае реализация контролирующей функции норм происходит путем конструирования поля желательной активности, которая ориентировала бы личность в ее поведении на «должные» и «дозволенные» поступки. Однако при анализе поведенческих практик необходимо учитывать тот факт, что при принятии определенной нормы за поведенческий стандарт отклонения от нее будут осуществляться в противоположные стороны.

Молодежь как уникальная не только демографическая, но и культурная группа находится в состоянии поливариативного выбора жизненного развития, создаваемого многочисленными альтернативами деятельности, которые не всегда отвечают нормативным требованиям. Многоаспектность

делинквентного поведения в молодежной среде связана в первую очередь с многочисленностью средовых факторов его популяризации. Как отмечает В. И. Мищенко, анализ факторов, воздействующих на возникновение делинквентного поведения в молодежной среде, отражает то, что функционирование социальных институтов, таких как семья, образование, досуг и труд, находится в состоянии расколлапсированности. Это состояние, в свою очередь, порождает ситуации, при которых молодые люди вынуждены сталкиваться с противоречивыми представлениями о «должном» и «правильном». Это вносит определенные трудности в процесс усвоения норм и требований общества [1, с. 29]. Отдельно стоит отметить актуальность широких возможностей негативного воздействия различных средств массовой коммуникации (интернет-сообществ, форумов, каналов), способных популяризовать противоправные модели поведения среди большого количества молодежи и нормализовать их в молодежной культуре.

Объектом исследования выступают молодежные делинквентные субкультуры, проявление которых в современном обществе поливариантно. Предметная область изучения задается видовым разнообразием данных субкультурных образований, оказывающих непосредственное воздействие на жизненную траекторию личности и внешнюю социальную среду. С методологической точки зрения особую значимость представляет структурно-функциональный подход, который позволяет раскрывать дисфункциональность делинквентных субкультурных образований в современном обществе. Кроме того, совместное применение принципов системности и адаптивности усиливает эффекты (явные и латентные) включенности и интериоризации

ценностей, повышающих рискогенность социального поведения молодых людей. Использование общенаучных методов при изучении данной проблемы позволяет соответствующим образом унифицировать существующие подходы и оценить их жизнестойкость в формате «текущей современности».

Молодежная субкультура является отражением собственной интерпретации и понимания смысловых ценностей и ценностных ориентаций; она показывает дифференциацию социально значимых норм и нередко является самобытной, отличающейся от общепризнанной. Но в то же время именно подобное осмысление молодыми людьми ключевых ориентиров способствует самопрезентации и налаживанию диалога со *значимыми и обобщенными другими*. Субкультуры помогают молодежи идентифицировать себя с референтными социальными группами и интериоризировать определенные ценности (в том числе антиценности), несмотря на мнение и оценки окружающих [2, с. 33].

С точки зрения современных исследователей, для прогнозирования развития механизмов взаимодействия среди молодежных субкультур необходимо изучать закономерности, присущие им. С этой целью рекомендуется проводить анализ различных типов субкультур как существующих, так и ранее существовавших. В работе [2] коллектив авторов предлагает концепцию *базовой субкультуры*, которая определяется на основе обобщения сходных качественных характеристик различных субкультур. Она является условной и выделяется путем определения ключевой особенности, общей сразу для нескольких молодежных субкультур [3, с. 11]. По мнению Е. О. Кубякина, молодые люди, входящие в делинквентные субкультуры, попадают под воздействие изначально романтизированной картины «преступной жизни» и сами становятся соучастниками поддержания подобной иллюзии [4, с. 264]. Поэтому молодежные субкультурные объединения и их видовое разнообразие выступают актуальным объектом социологического изучения. Они обладают способностью определять стиль жизни и мышления своих представителей, которые могут значительно отличаться от общественно одобряемых и нормативно закрепленных стандартов. В этой связи делинквентные субкультуры (чьи ценности и интересы связаны с осуществлением противоправной активности) требуют особого исследовательского и социально-управленческого внимания, т.к., попадая под их влияние, молодые люди рискуют потерять связь с нормативными способами организации своей деятельности, что приведет к дальнейшей маргинализации и криминализации их жизнедеятельности.

Теоретические основы

В нынешней действительности молодое поколение, являясь уникальным сегментом общества, привлекает внимание исследователей и политиков. Современная культура обладает ярко выраженной ориентацией на социальные изменения и инновации, в которых ведущая роль отводится молодежи, ввиду ее большей открытости и восприимчивости к новейшим формам активности. Вследствие этого исследователями отмечается постоянная *пересборка* – обновление ранжированного ряда ключевых ценностей, традиций, которое затрудняет процесс адаптации молодого человека к общественным требованиям [5, с. 164].

Одним из первых социологов, который обосновал и выдвинул гипотезы о возникновении и распространении противоправных субкультур, был А. Коэн. Он отмечал актуальность так называемой *утилитарной делинквентности* и справедливо указывал на ключевую исследовательскую особенность при изучении субкультурных образований: они чаще всего рассматриваются как отражение дисфункциональности семьи как малой социальной группы, социальная связь в которой выполняет ключевую роль в идентификации ценностей и их интериоризации молодым поколением. Итак, социальная связь с низкой интенсивностью и структурной проводимостью (которая наблюдается зачастую в семьях низшей страты) влияет на воспроизведение деструктивных ценностей и способствует включению в *уличные* сообщества [6, с. 121–137].

Американский социолог Н. Смелзер отмечает существование в информационном обществе большого количества его подгрупп, видимость различий которых основывается на специфических ценностях и нормах необходимого поведения. С точки зрения исследователя, именно интериоризированная людьми система норм и ценностей, отличающих одну группу от культурного большинства, называется субкультурой. При этом участники субкультур полностью не отвергают доминирующую (массовую) культуру, а лишь отклоняются от некоторых ее постулатов в пользу альтернативных практик познания мира и удовлетворения потребностей [7, с. 62]. Социальные практики обусловлены, с одной стороны, определенной фазой функционирования общества (позиция «сверху»), с другой – конкретным поведением индивидов и их групп (позиция «снизу»). По мнению П. Штомпки, социальные практики имеют решающее влияние на сознание индивидов, т.к. позволяют получать подтверждение истинности или ложности тех или иных мировоззренческих аспектов и, следовательно, развивать, и отвергать их [8, с. 271–283].

С. Коэн отмечает: в условиях открытого информационного общества, когда происходит непосредственная трансляция различной по стилю, жанру и достоверности информации, усиливается маргинализация социальных групп и упрощается мышление, что приводит к иррациональности в понимании определенных социальных проблем. Подобные культурные потоки могут формировать субкультуру *недоверия*, которая может пронизывать всю систему, а также субкультуру *моральной паники*, позволяющей увидеть линии разлома, в обществе и властные отношения в нем [9, с. 59–65].

Субкультуры, выступая одним из агентов социализации, помогают молодым людям в процессе освоения окружающей действительности. Так, британский социолог М. Брэйк выделяет следующие функции молодежных субкультур [10, с. 23]:

- 1) предложение альтернативных способов решения некоторых проблем, коллективно переживаемых молодым поколением;
- 2) представление возможности отбора значимых элементов, таких как стиль, досуг, идеологий;
- 3) предложение осмысленного жизненного пути в рамках реализации свободного времени;
- 4) актуализирование новых экзистенциальных дилемм для принятия молодыми людьми самостоятельных решений.

Главной особенностью делинквентных субкультур выступает то, что их представители конструируют свои взгляды на основе оппозиции к конвенциональным общественным представлениям о недопустимости преступлений и правонарушений. Личность молодого человека в ситуациях включения в делинквентные субкультурные практики неизбежно попадает под влияние необходимости выстраивать свои действия в строгом соответствии со стандартами социализации криминализованного окружения. Этот процесс сопровождается разнообразными формами проявления демонстративного игнорирования соблюдения законов: обычно путем совершения антиобщественных действий, а также их оправдания и возвеличивания [11, с. 150]. Представители подобных субкультурных сообществ имеют опыт по моральному оправданию своей деятельности. Они предоставляют новичку продуманные поводы дальнейшего следования начатой линии противоправного поведения. Так индивид обучается у более опытных субкультурщиков (теоретически и практически) быть *своим*, т.е. разделять и продвигать взгляды субкультурной группы [12, с. 51–59].

Среди отечественных трудов по типологизации деструктивных субкультур можно выделить работу А. В. Толстых. В ней автор предлагает типологию по направленности деятельности представителей субкультур [13, с. 14]:

- 1) политизированные;
- 2) эколого-этические, ведущие борьбу за окружающую среду;
- 3) нетрадиционные религиозные;
- 4) радикальные молодежные, отличающиеся повышенной агрессивностью;
- 5) образа жизни, формирующие свой образ жизнедеятельности (хиппи, панки, эмо);
- 6) по интересам;
- 7) субкультура *золотой молодежи*.

С. А. Сергеев выделяет типологию молодежной субкультуры, исходя из критерия ценностных ориентаций [14, с. 95–96]:

- 1) романтико-эскапистские (хиппи, толкиенисты);
- 2) гедонистично-развлекательные (рейверы, реперы и пр.);
- 3) криминальные (гопники, урла);
- 4) анархо-нигилистические (панки, металлисты, сатанисты и пр.).

По временному критерию он выделяет традиционные молодежные субкультуры, имеющие достаточно длительную историю (хиппи, панки, битники и др.), и новые, возникшие в последнее десятилетие (толкиенисты, униформисты, металлисты и др.).

Таким образом, среди возможных оснований для типологизации молодежных субкультур можно отметить следующие: принадлежность, взаимоотношения, степень общения, направления деятельности, степень конформности и т.д. При анализе исследователи придерживаются полярных мнений относительно роли субкультурных сообществ в жизни и деятельности молодых людей. Так, с одной стороны, субкультуры призваны обеспечить интеграцию, идентификацию и коммуникацию молодежи в определенной социальной группе, члены которой разделяют общие ценности. С другой – возникновение субкультурных сообществ связано с дисфункциональностью институциональной системы, не в полной мере реализующей свое назначение. Поэтому происходит появление и развитие тех сообществ (в том числе сетевых), которые компенсаторно действуют вне принятой и распространенной системы норм и ценностей, и направлены на самореализацию и интеграцию с опорой на противоправные социальные практики.

Результаты

В настоящее время в исследовательской литературе фрагментарно рассматриваются вопросы видового разнообразия субкультурных сообществ. Особое внимание уделяется криминальным (асоциальным / антиобщественным) субкультурам. Однако следует уточнить, что их виды могут зависеть от ключевого основания, которое и влияет на содержательные (качественные) характеристики данных объединений. Авторы предлагают классифицировать делинквентные субкультуры на следующие виды:

1. Субкультуры с возможностью «карьерного продвижения» (где четко определены роли и возможность смены ролей). Каждая субкультура отличается своей самобытностью и особой контекстуальностью, предполагающей основания вхождения, правила взаимодействия, определенные традиции, распределение функциональных требований. Но, кроме привычных духовных и поведенческих составляющих, она может предполагать определенное ролевое распределение с акцентом на восхождение и нисхождение. Данная возможность привлекательна для молодых людей, т.к. формируется латентная микросистема (дисфункциональная), в которой выстраиваются сети коммуникаций и требования к носителю определенного ранга.

Иллюстративным примером такого типа являются подростковые субкультуры *вымогательства* под руководством более взрослой молодежи (как правило, школьные сообщества в гендерном аспекте – преимущественно мужские). Они выстраиваются по типу *сетевого маркетинга*. Так, организация делинквентной группировки осуществляется следующим образом: основной лидер набирает / выбирает несколько человек 23–25 лет (и старше), каждый из которых организует группу молодежи в возрасте от 20–23 лет, последующие участники осуществляют ту же самую выборку, но уже с людьми намного моложе предыдущих. В результате у каждой группы есть свой локальный лидер [15]. Деньги после передачи *сбытовым агентам* (т.е. локальным лидерам) перемещаются вверх по цепочке – от «старшего» к «старшему», доходя до главного организатора, который, в свою очередь, отдает полученные средства другим агентам криминального мира.

Спортивно-ориентированные группы молодежи также попадают под трансформацию в делинквентные иерархически организованные субкультуры (со своим сленгом, атрибутикой и обязанностями). Примером такой трансформации выступает активность

футбольных фанатов. Среди их субкультурных практик наиболее выделяются так называемые *забивы* – выяснение отношений с фанатами других футбольных команд путем массовых драк, которые могут проводиться и в городском пространстве, и в лесах. Как отмечает С. В. Медников, представителям данной субкультуры важен сам процесс массовых драк (как защиты силы и чести своего клуба). Большинство подобных субкультурных объединений имеют даже устав, необходимый для частичной регламентации действий участников в соответствии с их положением в иерархии. В таком своде правил обычно предписывается количество выездов на *забивы* в другие города, присутствовать на которых обязан каждый участник группировки [16].

Выделяются три основные группы в зависимости от фанатской иерархии. Во главе находятся *хулиганы* – наиболее агрессивные и последовательные члены фан-движения. Они пытаются претендовать на звание элиты, что выражается в их внешнем виде (обычно одежде с клубной символикой). При этом использование атрибутики той или иной команды накладывает на ее владельца ответственность за сохранение и приумножение командной силы. Ниже по иерархии располагаются члены фан-групп. Они немногочисленны (20–40 человек) и обычно формируются по территориальному принципу (фанаты клуба с одного района), что важно для быстрого сбора *своих* в случае необходимости. Внизу вертикали находятся *кузьмичи*. В субкультурной среде так обозначают неорганизованных фанатов, которые не участвуют в выездах [16].

Субкультура уже давно обрела культовый статус. Например, существуют художественные фильмы, отражающие важные аспекты жизни и организации ее участников. Среди них: «Околофутбола» 2013 г. (Россия); «Хулиганы Зеленой улицы» 2005 г. (Великобритания) и др. Популярны у молодежи и околофутбольные интернет-сообщества. Например, сообщество ВК Okolofutbola.TV¹ (70 тыс. подписчиков).

2. Субкультуры, направленные на организацию антисоциального досуга. В современной исследовательской практике строгий субкультурный подход, связанный с символическими актами сопротивления массовой культуре и классовой принадлежностью, подвергается критике. Как отмечает Е. Л. Омельченко, основные идеи представителей постсубкультурных концепций (*неоплемен, сцен*) направлены на отражение временного характера

¹ Okolofutbola.TV. ВКонтакте. URL: <https://vk.com/okolooof> (дата обращения: 31.01.2024).

приверженности тем или иным субкультурным практикам. Специфика включенности современных молодых людей в такие сообщества состоит в эпизодических досуговых взаимодействиях, которые соединяют их разные идентичности. Отодвигаются на второй план вопросы четкой приверженности, маркированности и идеологичности [17, с. 4].

Иллюстрацией субкультуры, направленной на организацию антисоциального досуга, может послужить субкультура *шоплифтеров*, чья активность сосредоточена на магазинных кражах. Возможность поделиться результатами данной деятельности в тематических сообществах выступает главным фактором развития у вовлеченных молодых людей деформированного отношения к собственности. Как отмечают С. В. Рослякова и Е. Г. Черникова, включение в объединения шоплифтеров наиболее интересно подросткам-авантюристам, которые готовы пойти на демонстративное правонарушение / преступление (в зависимости от суммы украденного) ради внимания сверстников и других участников этого движения [18, с. 211].

Другим примером может послужить молодежная субкультура *ЧВК Редан*, ставшая известной в начале 2023 г. и быстро набравшая популярность в социальных сетях. Она имеет схожее название с преступной группировкой «Геней Редан» из манги и аниме «Hunter x Hunter». Субкультура сформировалась и получила скандальную славу после того, как в московском ТЦ «Авиапарк» произошел конфликт между так называемыми *редановцами* и скинхедами. Данная субкультура в наибольшей степени популяризировалась в подростковой среде. Стилиевыми маркерами участников *ЧВК Редан* выступают татуировки с пауками, длинные волосы, черная одежда (чаще всего с капюшоном) и штаны в черно-белую клетку. В одном из самых популярных одноименных телеграм-каналов² на данный момент состоит 39,5 тыс. участников.

Исследователи отмечают, что в идеологическом аспекте представители *ЧВК Редан* не ассоциируют свою деятельность с экстремистской. Тем не менее среди участников особо популярна противоправная досуговая практика в публичных развлекательных местах, основой которой выступает сбор большими группами (с предварительным планированием и обсуждением в социальных сетях) обычно

для того, чтобы спровоцировать конфликт с представителями других субкультур. Свою активность *редановцы* снимают на видео и делятся ей в тематических сообществах и каналах. Исследователями отмечается, что подобное «включение» подростков в новую субкультуру представляет собой повышенную общественную опасность, заключающуюся прежде всего в расширении круга правонарушителей в молодежной среде [19, с. 79–81]. Также существует риск что стремление к популярному экстремальному досугу (с целью получения нового опыта и эмоций) способно трансформироваться во вхождение в противоправные группы на основе совместного времяпрепровождения с последующим переходом к преступной деятельности.

3. Субкультуры молодежи, подражающие правилам определенных тотальных организаций. Тема делинквентных субкультур нашла свое отражение в опросах общественного мнения. В 2020 г. ВЦИОМ представил результаты опроса, касающегося осведомленности об активности такой субкультуры как *Арестантский уклад един* (АУЕ) и отношения к ней. Было выявлено, что информированность об АУЕ в российском обществе не очень высокая: только один из пяти опрошенных смог ответить, чем именно занимаются представители данной субкультуры (22 %), вдвое больше ответов дала молодежь 18–24 лет (46 %). Более половины россиян считают проблему распространения движения АУЕ (в 2020 г. признано экстремистским и запрещено на территории РФ³) важной и требующей скорейшего решения (62 %). Это мнение чаще встречается среди россиян возраста 60 лет и старше (72 %). Не считают эту проблему важной 19 % россиян, чаще – молодежь 18–24 лет (35 %)⁴.

С точки зрения С. Н. Чируна, формирование и активность субкультуры АУЕ и других криминализованных молодежных движений оказывают значительное отрицательное влияние на процесс социализации молодых людей. В условиях быстрого развития интернет-технологий АУЕ начинает приобретать черты постмодернистского мема, который постулирует жестокость, а также занимается ее скрытым распространением в тех кругах, в которых этого совсем не ожидают. Влияние данной субкультуры затрагивает далеко не только молодежь, т. к. его последователи, уже вышедшие из молодежного

² ЧВК РЕДАН. *Telegram*. URL: <https://t.me/chvkredantg> (дата обращения: 31.01.2024).

³ Верховный суд признал экстремистским и запретил движение АУЕ. *РБК*. 17.08.2020. URL: <https://www.rbc.ru/society/17/08/2020/5f3a5acc9a79473da0c66a9f7y> (дата обращения: 23.01.2024).

⁴ АУЕ: угроза реальная или мифическая? *ВЦИОМ*. 15.10.2020. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/aeu-ugroza-realnaya-ili-mificheskaya> (дата обращения: 23.01.2024).

возраста, обеспечивают вербовку новичков, рассказывая и показывая им «романтическую» картину преступной жизни. Рядовые участники (обычно юноши 12–17 лет) агрессивно продвигают эту картину «блатной жизни» в среде своих сверстников (чаще всего во дворах и учебных заведениях). Пенитенциарные схемы организации коммуникации и быта (например, *общак*) воспринимаются через игровые установки, интериоризируются в силу психологических особенностей восприятия подростками нового опыта и далее транслируются в их повседневность [20, с. 53–58].

Исследовательское и социально-управленческое внимание к данной субкультуре обосновано демонстрацией ее представителями хоть и иллюзорных, но все же привлекательных для многих ценностей и способов устройства в жизни. В среде АУЕ такие конвенционально значимые социальные лифты как образование, работа и другие способы нормативной мобильности, не в почете. Они подменяются на прохождение «школы жизни» (получение «черного диплома») путем пребывания в местах лишения свободы.

Коллектив авторов Кубанского государственного университета, исследуя причины молодежной (нео)криминализации и влияния на нее делинквентной субкультуры АУЕ, отмечает, что в процессе социализации подростков важную роль играют межличностные взаимодействия со значимыми референтными и другими группами. В рамках исследования были выявлены авторитетные для подростков люди (из числа старших по возрасту), опыт которых важен для них, и поэтому они готовы брать с них пример. Согласно результатам, у большей части респондентов (43,5 %) в качестве авторитетного человека выступает один из родителей. Для пятой части респондентов (20,9 %) не существует значимого взрослого. Для 10,6 % – один из родственников, для 7,3 % – друг или знакомый, для 6,5 % – старшие брат или сестра [21, с. 121]

4. Субкультуры эскапизма. Эскапизм как тип социальной адаптации описал представитель структурно-функционального подхода – американский социолог Р. Мертон. Исследователь отмечает, что люди с таким типом поведения не принимают цели общественного развития и те средства, которые приемлемы и допустимы. Эскаписты изолированы от внешнего мира, не осваивают доступную социальную практику, не выстраивают сети реальной социальной коммуникации.

Ярким примером данной субкультуры в цифровом пространстве является объединение хикикомори. *Хикикомори* – это японский термин, применяемый в отношении людей, которые остаются «запертыми» в локализованном пространстве, изолированными от всех в течение длительного времени. Так называемые *хикки* добровольно отказываются от социальной жизни и стремятся к полному социальному уединению.

В современных исследованиях представителей такой субкультуры называют цифровыми отшельниками и сравнивают с представителями социального дна. Ключевые акценты философии хикикомори: уверенность в непонимании, отсутствии любви со стороны близких, собственной ненужности, а также отсутствие смысла в существующей организации жизненного и социального порядка. Такие основания являются основой «пограничной ситуации», которая подталкивает «молодого человека к тому, чтобы оставить мир и уйти в своеобразный виртуальный монастырь» [22, с. 44]. В Японии численность хикикомори дошла до одного миллиона человек (при общей численности населения 129 млн). Первому поколению хикки в Японии сегодня уже за 40 лет, стаж их изоляции составляет более 20 лет, в других же странах хикикомори – это преимущественно молодые люди и подростки [22, с. 41–46].

В настоящее время в сообществе ВКонтакте *Hikikomori*⁵, созданном в 2011 г., состоит 580204 пользователя. Если исходить из аннотации сообщества, особое внимание *Hikikomori* уделяет людям, у которых проблемы с социальной адаптацией, а ключевой вектор размещаемого контента – развлекательный. Вот наиболее характерные фразы, популярные в группе: *Да и кому нужен такой, как я?; Извини, но у меня свой мир; Будь готов к боли. Люди бросят тебя при первой возможности; Я бесполезный человек. Не вижу смысла в этом мире; Иногда мне кажется, я не из этого мира; Внешний мир пугает, поэтому я посижу тут немного; Никто меня не ждет; Все люди мерзкие.* Такая социально-психологическая позиция не дает основы для рационального осмысления происходящих событий, а манипуляция сознанием в цифровом пространстве вполне может привести к антисоциальным поступкам. Так, второй пост в ленте данного сообщества такой: *8 фильмов и сериалов с точки зрения убийцы.* И далее следует описание причин, почему данное кино может заинтересовать подписчиков. Подобная аннотация не совпадает с описанием самого сетевого субкультурного

⁵ Hikikomori. ВКонтakte. URL: <https://vk.com/hikikomorii> (дата обращения: 31.01.2024).

объединения, где указано, что они оказывают «поддержку людям, у которых проблемы с социальной адаптацией»⁶.

5. Субкультуры гендерной направленности. Учитывая современную диверсификацию субкультурных объединений и возможность создания закрытых сетевых сообществ, которые заслуживают особого внимания со стороны специалистов и исследователей, происходит распространение таких сообществ, отрицающих сложившиеся культурные ценности и ценностные ориентации.

Социально-психологическая дезадаптация, принадлежность к негативной социальной позиции, деструктивная форма взаимодействия с девушками / женщинами стали основой для создания и последующего распространения субкультуры *инцелов* (от англ. *involuntary celibates* – вынужденный целибат). Виртуальная коммуникация его представителей воплощается в реальных противоправных деяниях, опасных для жизни и здоровья женщин. Уверенность в гендерном превосходстве способствует тому, что мужчины готовы нарушать существующие правовые нормы и открыто в этом признаваться⁷.

Чаще всего термином *инцел* описывают мужчин (в возрасте до 30 лет), которые испытывают перманентный негативный опыт в общении с противоположным полом, выплескивая агрессию и обиду в различных онлайн-сообществах (как тематических, так и нейтральных). Женщины обвиняются ими в том, что в качестве сексуальных партнеров они выбирают преимущественно успешных и привлекательных мужчин. Субкультурная идентичность инцелов выстраивается на основе общей невосребованности и сексуальной пассивности, при этом всю вину за это они возлагают на противоположный пол. Соответственно, в их кругах нередки призывы к изнасилованиям и другим аморальным действиям. Распространены взгляды, направленные на оправдание объективации и дискриминации женщин. В случаях с домогательствами вина автоматически приписывается жертве (на ней были вызывающие одежда и / или косметика, яркие аксессуары и т. п.).

В российском сегменте данной субкультуры популярно такое движение, как *Мужское государство* (с 2021 г. признано экстремистским и запрещено на территории РФ⁸). Сетевая активность данного движения основывается на травле, кибербуллинге

и публикациях, порочащих честь и достоинство конкретных женщин. Особо радикальные представители инцел-субкультуры разделяют извращенные деструктивные идеи био- и социал-дарвинизма, воспринимают насилие над женщинами как «норму» и «право сильного» [23, с. 140].

6. Уличные субкультуры. Несмотря на интенсивный переход активности молодежи в онлайн-формат в современной российской действительности, ИРЛ-практики (от англ. *in real life*) продолжают сохранять востребованность как один из важнейших способов коммуникации, выстраивания идентичности, а также самовыражения и самопрезентации. Среди сохраняющих популярность субкультур в городском пространстве наиболее выделяются граффити-райтеры. *Граффити* (от итал. *graffito* – начерченный) выступает одним из распространенных видов городского современного искусства. Тексты и рисунки, обычно наносимые при помощи аэрозольной краски и трафарета на поверхности различных зданий и габаритные предметы (гаражи, вагоны поездов, ограждения, билборды, лифты и т. п.), призваны публично демонстрировать художественное самовыражение молодых людей. Соответственно, значимость данной субкультурной практики заключается в большом диалогическом потенциале субкультурной молодежи [24, с. 56].

Граффити как форма коммуникации позволяет молодым людям выражать и отстаивать свою социальную, политическую и нравственную позицию. Однако некоторые исследователи обращают внимание на то, что в подобной изобразительной деятельности молодежь стремится к символическому протесту по отношению к ценностям официальной культуры и к социальным и правовым нормам. Таким образом, граффити – это художественная субкультурная форма девиантного (а в некоторых случаях и делинквентного) поведения, распространенная преимущественно в молодежной среде.

В связи с этим возникает вопрос о том, в каких случаях можно рассматривать нанесение граффити как правонарушение? По мнению А. В. Скорика, важным фактором такой неоднозначности выступает политика двойных стандартов. С одной стороны, несанкционированные граффити (вне зависимости от их расположения и меседжа) осуждаются и принимаются за вандализм, а с другой – услуги

⁶ Там же.

⁷ Водитель фургона-убийцы в Торонто оказался женоненавистником. *Российская газета*. 25.04.2018. URL: <https://rg.ru/2018/04/25/voditel-furgona-ubijcy-v-toronto-okazalsia-zhenonenavistnikom.html> (дата обращения: 27.01.2024).

⁸ «Мужское государство» признали экстремистским и запретили в России. *РБК*. 18.10.2021. URL: <https://www.rbc.ru/society/18/10/2021/616d73739a7947f9a54f55f0> (дата обращения: 27.01.2024).

граффити-райтеров могут официально использоваться для художественного оформления городских проектов (часто по заказу местной администрации), и тогда результат их деятельности будет определяться как публичное искусство [25, с. 68].

В России интернет-сообщества культуры граффити также являются значимым местом коммуникации и популяризации данной субкультуры (не все подписчики являются действующими граффити-райтерами). Среди тематических сообществ в социальной сети ВКонтакте наиболее популярным на данный момент является ГРАФФИТИ СОЮЗ⁹ (178 тыс. подписчиков). Следует отметить, что развитие данной субкультуры в силу ее открытости и публичной демонстрации сложно проигнорировать еще и потому, что ее практики трансформируются в инструмент политических игр (как провластных, так и оппозиционных). Граффити начинает рассматриваться в роли «нового медиа» для достижения различных целей по воздействию на ценности и интересы молодежи.

7. Субкультуры, чья активность вдохновлена скулшутингом. Скулшутинг – феномен насильственных противоправных деяний, реализуемых в образовательном пространстве, направленный на покушение на жизнь и здоровье участников учебного процесса (от англ. *school shooting*). Он возник в начале XX в., но получил распространение лишь в конце XX в. в связи с эффектом *Колумбайн* – массовой волной вооруженных нападений учеников на школы (по аналогии с инцидентом 1999 г. в одноименной школе США, получившим широкое освещение в СМИ). Современные исследователи определяют следующие особенности скулшутинга [26, с. 95–96]:

- связи с радикальными кругами в онлайн и офлайн имеют определяющую роль для установления и поддержания одиночными субъектами мотивов и способности совершать противоправные инциденты;
- первостепенное значение для возникновения и распространения данной субкультуры играют социальные связи;
- по социальным связям одиночки не являются «неопределяемой угрозой», они нарушают нормы операционной безопасности, маркируя свое социальное поведение;
- при определенных обстоятельствах одиночки, развивая и поддерживая устойчивые социальные связи, интегрируются в более крупные радикальные сообщества и движения.

Виртуальная сеть скулшутеров выходит за рамки формальных границ в онлайн-сообществах, т.к. среди их ближайших участников диагностируются сотни, а иногда и тысячи пользователей, которые в разной степени приобщены к скулшутеровской или смежным по тематике делинквентным онлайн-субкультурам. Как следствие, малочисленность сообществ не отражает реальную картину опасности, поскольку в действительности его потенциальная база более значительна и может в десятки раз превышать количество действующих подписчиков [27, с. 372]. Современные исследователи отмечают, что при анализе постов в социальной сети ВКонтакте можно группировать тематические субкультурные сообщества по трем типам данных: 282 публичные группы, содержащие деструктивный контент по скулшутингу; 12 открытых аккаунтов подтвержденных скулшутеров; 1022 действующих аккаунта, в которых выявлен интерес к скулшутингу [28, с. 187–188].

Антисоциальная направленность данной субкультуры законодательно закреплена, а в социальном аспекте способствует массовой панике, росту социальной напряженности. Тем не менее сообщения представителей данного сообщества находят отклик среди молодых людей. В [29] работе отмечено, что наблюдается сращивание субкультуры *колумбайн* с различными «играми смерти», а также с объединениями террористической направленности (например, *Маньяки. Культ убийства* – МКУ). Среди интересов представителей данного движения выделяют: феномен скулшутинга; оружие; радикальные политические идеологии и религии; биографии известных скулшутеров / маньяков / террористов и т.п. Исследователями также были выделены типичные черты колумбайнера в России: подросток (15–19 лет) с нормальными показателями интеллекта и социальной активности; зачастую воспитание в неполной семье; владение навыками планирования и техническими познаниями в области огнестрельного оружия и взрывчатки [29, с. 211–213].

Рассмотренные делинквентные субкультуры являются объектом междисциплинарного анализа: с правовой точки зрения антиобщественные деяния квалифицируются как преступления, и в ответ на их совершение накладываются определенные формальные санкции; с социологической – внимание обращено на особенности социального взаимодействия в субкультурных сообществах, дифференциацию ценностей и их определенную трансляцию, преобладание субкультурных практик через

⁹ ГРАФФИТИ СОЮЗ. *ВКонтакте*. URL: <https://vk.com/graffitiunion1> (дата обращения: 27.01.2024).

обучение им. Социальная диагностика позволяет определять маркеры деструктивного участия, цифровые следы данной активности.

Заключение

Делинквентные субкультурные сообщества претендуют на определенную инвариантную основу (отрицание сложившихся норм, ценностей, социально одобряемых практик; социальная интеграция на основании собственного видения социальной действительности). Каждое объединение по-своему уникально, т. к. вырабатывает латентные и открытые формы противостояния социальным, правовым нормам и поддерживающим их институтам. При этом эти формы (преимущественно основанные на агрессии, отчуждении, безответственности, жестокости) морально оправдываются активными представителями субкультуры для облегчения вовлечения новых участников. Направленность делинквентных субкультурных сообществ разнообразна: от организации досуговых практик в деструктивных формах до уголовно наказуемых радикальных антиобщественных деяний. Такое разнообразие не позволяет агентам социализации и субъектам социального управления применять традиционные, адаптивные приемы и технологии. К каждому деструктивному субкультурному объединению требуется особый подход, основанный на сочетании социокультурных и правовых интегративных механизмов, а также на изучении причин его формирования и развития в онлайн- и офлайн-пространствах. Это необходимо, поскольку латентный характер сообществ формирует новые риски криминализации молодежи

в современном обществе, с трудом поддающиеся анализу и разработке конкретных проектов и программ, направленных на минимизацию антиобщественного субкультурного воздействия на молодое поколение.

Конфликт интересов: Авторы заявили об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The authors declared no potential conflicts of interests regarding the research, authorship and / or publication of this article.

Критерии авторства: Авторы в равной степени участвовали в подготовке и написании статьи.

Contribution: All the authors contributed equally to the study and bear equal responsibility for information published in this article.

Финансирование: Статья подготовлена за счет гранта Российского научного фонда № 24-28-01230 «Социальная и политическая мобилизация конструктивного и деструктивного типа в условиях множества сетевых миров сибирских регионов ресурсного развития: возможности применения инструментов data-mining». <https://rscf.ru/project/24-28-01230/>

Funding: The research was supported by the Russian Science Foundation, grant no. 24-28-01230: Social and political mobilization of constructive and destructive type in the conditions of multiple network worlds of Siberian regions of resource development: possibilities of using data-mining tools, <https://rscf.ru/en/project/24-28-01230/>

Литература / References

1. Мищенко В. И. Особенности делинквентного поведения учащейся молодежи. *Мир науки, культуры, образования*. 2015. № 5. С. 29–31. [Mishchenko V. I. Features of delinquent behavior of students. *Mir nauki, kulturny, obrazovaniia*, 2015, (5): 29–31. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/uxuscl>
2. Канаян В. А., Козлов А. А., Гушин В. А., Бугаков И. С. Неформальные молодежные сообщества Санкт-Петербурга: теория, практика, методы профилактики экстремизма. СПб.: Комитет по молодежной политике и взаимодействию с общественными организациями, 2008. 277 с. [Kanaian V. A., Kozlov A. A., Gushchin V. A., Bugakov I. S. *Informal youth communities of St. Petersburg: Theory, practice, methods of preventing extremism*. St. Petersburg: Komitet po molodezhnoi politike i vzaimodeistviu s obshchestvennymi organizatsiiami, 2008, 277. (In Russ.)]
3. Омельченко Е. Л. Молодежные культуры и субкультуры. М.: Институт социологии РАН, 2000. 261 с. [Omelchenko E. L. *Youth cultures and subcultures*. Moscow: Institute of Sociology RAS, 2000, 261. (In Russ.)]
4. Кубякин Е. О. Криминализация молодежной культуры в условиях современного информационного общества. *Общество и право*. 2010. № 2. С. 263–267. [Kubyakin E. O. Criminalization of youth culture in the context of modern information society. *Society and law*, 2010, (2): 263–267. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/ndayef>
5. Скакун А. С. Основные подходы к дефиниции понятий «молодежная культура» и «молодежные субкультуры». *Регионология*. 2014. № 3. С. 164–173. [Skakun A. S. Basic approaches to definition of the concepts

- of "youth culture" and "youth subculture". *Russian journal of regional studies*, 2014, (3): 164–173. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/svroef>
6. Cohen A. K. *Delinquent boys: The culture of the gang*. NY: The Free Press of Glencoe, 1955, 202.
 7. Смелзер Н. Дж. Социология. М.: Феникс, 1994. 687 с. [Smelser N. J. *Sociology*. Moscow: Feniks, 1994, 687. (In Russ.)]
 8. Штомпка П. Социология социальных изменений. М.: Аспект Пресс, 1996. 414 с. [Sztompka P. *The sociology of social change*. Moscow: Aspekt Press, 1996, 414. (In Russ.)]
 9. Коэн С. Народные дьяволы и моральная паника. Создание модов и рокеров. 2-е изд. М.: НИУ ВШЭ, 2023. 352 с. [Cohen S. *Folk devils and moral panics: The creation of the mods and rockers*. 2nd ed. Moscow: HSE, 2022, 352. (In Russ.)] <https://doi.org/10.17323/978-5-7598-2926-3>
 10. Brake M. *Comparative youth culture. The sociology of youth culture and youth subcultures in America, Britain and Canada*. 1st ed. London: Routledge, 1985, 238. <https://doi.org/10.4324/9780203408940>
 11. Шереужева О. Х., Хубиев Б. Б. Социальное управление делинквентными субкультурами. *Журнал научных статей «Здоровье и образование в XXI веке»*. 2016. Т. 18. № 3. С. 149–153. [Shereuzheva O. H., Hubiev B. B. Social management of delinquent subcultures. *The journal of scientific articles "Health and education millenium"*, 2016, 18(3): 149–153. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/wfayfx>
 12. Беккер Г. Аутсайдеры: исследования по социологии девиантности. М.: Элементарные формы, 2018. 270 с. [Becker H. S. *Outsiders: Studies in the sociology of deviance*. Moscow: Elementary forms, 2018, 270. (In Russ.)]
 13. Толстых А. В. Подросток в неформальной группе. М.: Знание, 1991, 79 с. [Tolstykh A. V. *A teenager in an informal group*. Moscow: Znanie, 1991, 79. (In Russ.)]
 14. Сергеев С. А. Молодежные субкультуры в республике Татарстан. *Социологические исследования*. 1998. № 11. С. 95–102. [Sergeev S. A. Youth subcultures in the Republic of Tatarstan. *Sotsiologicheskie issledovaniia*, 1998, (11): 95–102. (In Russ.)]
 15. Ханипов Р. А. Делинквентность: современные подростковые сообщества и подростковые практики. *Социологические исследования*. 2007. № 12. [Khanipov R. A. Delinquency: Modern teenage communities and adolescent practices. *Sotsiologicheskie issledovaniia*, 2007, (12). (In Russ.)] <https://elibrary.ru/opcwqp>
 16. Медников С. В. Психологические составляющие агрессивного поведения футбольных болельщиков: дис. ... канд. психол. наук. СПб., 2012. 144 с. [Mednikov S. V. *Psychological components of aggressive behavior of football fans*. Cand. Psychol. Sci. Diss. St. Petersburg, 2012, 144. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/qfyryn>
 17. Омельченко Е. Л. Уникален ли российский случай трансформации молодежных культурных практик? *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. 2019. № 1. С. 3–27. [Omelchenko E. L. Is the Russian case of transformation of youth cultural practices unique? *Monitoring of public opinion: Economic and social changes*, 2019, (1): 3–27. (In Russ.)] <https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.1.01>
 18. Рослякова С. В., Черникова Е. Г. Современные формы девиантного поведения подростков и их социальная профилактика. *Азимут научных исследований: педагогика и психология*. 2021. Т. 10. № 1. С. 209–212. [Roslyakova S. V., Chernikova E. G. Modern forms of deviant behavior of adolescents and their social prevention. *Azimuth of scientific research: Pedagogy and psychology*, 2021, 10(1): 209–212. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/waryns>
 19. Жилкин М. Г., Шемчук С. Ю. «ЧВК "РЕДАН"»: феномен популярности деструктивной субкультуры. *Сибирский юридический вестник*. 2023. № 4. С. 78–84. [Zhilkin M. G., Shemchuk S. Yu. "PMC "REDAN": The phenomenon of popularity of destructive subculture. *Siberian law herald*, 2023, (4): 78–84. (In Russ.)] <https://doi.org/10.26516/2071-8136.2023.4.78>
 20. Чирун С. Н. Молодежное «АУЕ» как интегральный феномен российского постмодерна. *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. 2019. № 1. С. 49–65. [Chirun S. N. AUE youth organization as an integrated phenomenon of the Russian postmodernity. *Monitoring of public opinion: Economic and social changes*, 2019, (1): 49–65. (In Russ.)] <https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.1.03>
 21. Хагуров Т. А., Чепелева Л. М., Остапенко А. А., Русия Н. Т., Иванова М. С., Крышкина А. С., Хагурова С. Т., Чепелева А. А. «АУЕ»: основные формы и причины подростковой неокриминализации в современной России. Опыт социологического исследования. Краснодар: КубГУ, 2021, 212 с. [Khagurov T. A., Chepeleva L. M., Ostapenko A. A., Rusiia N. T., Ivanova M. S., Kryshkina A. S., Khagurova S. T., Chepeleva A. A. *AUE: Forms and causes of juvenile delinquency in modern Russia. The experience of sociological research*. Krasnodar: KubGU, 2021. 212. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/lqzpxf>

22. Баева Л. В. Эскапизм в цифровом социуме: от хикикомори до «групп смерти». *Ценности и смыслы*. 2018. № 2. С. 39–54. [Baeva L. V. Escapism in digital socium: From hikikomori to "groups of death". *Values and meanings*, 2018, (2): 39–54. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/xqodnr>
23. Никишин В. Д. Вредоносная информация в интернет-медиа: «окно Овертона» и взаимосвязь деструктивных сетевых течений. *Lex Russica*. 2022. № 11. С. 131–148. [Nikishin V. D. Harmful information in Internet media: The "Overton window" and the relationship of destructive network currents. *Lex Russica*, 2022, (11): 131–148. (In Russ.)] <https://doi.org/10.17803/1729-5920.2022.192.11.131-148>
24. Самыгин С. И., Касьянов В. В., Шилина Н. А. Граффити как явление художественных субкультурных практик в молодежной среде. *Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки*. 2018. № 8. С. 55–58. [Samygin S. I., Kasyanov V. V., Shilina N. A. Graffiti as a phenomenon of artistic subcultural practices in youth environment. *Humanities, social-economic and social sciences*, 2018, (8): 55–58. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/saavxt>
25. Скорик А. В. Граффити как субкультура вызова и протеста. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2016. Т. 6. № 1. С. 63–69. [Skorik A. V. Graffiti as a subculture of provocation and outcry. *Gumanitarnye nauki. Vestnik Finansovogo universiteta*, 2016, 6(1): 63–69. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/vprhcr>
26. Карпова А. Ю., Максимова Н. Г. Скулшутинг в России: что имеет значение? *Власть*. 2021. Т. 29. № 1. С. 93–108. [Karpova A. Yu., Maksimova N. G. School shooting in Russia: What matters? *Power*, 2021, 29(1): 93–108. (In Russ.)] <https://doi.org/10.31171/vlast.v29i1.7920>
27. Чудинов С. И., Сербина Г. Н., Мундриевская Ю. О. Сетевая организация скулшутеров в социальной сети «ВКонтакте» на примере фанатского сообщества «керченского стрелка». *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. 2021. № 4. С. 363–383. [Chudinov S. I., Serbina G. N., Mundrievskaya Y. O. School shooting network on VKontakte: Case study of a fan community dedicated to "kerch shooter". *Monitoring of public opinion: Economic and social changes*, 2021, (4): 363–383. (In Russ.)] <https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.4.1740>
28. Гриненко У. Б., Ромеро Рейес И. В. Семантический анализ цифрового деструктивного контента по тематике «скулшутинг» в социальной сети «ВКонтакте». *Психология и право*. 2021. Т. 11. № 4. С. 180–195. [Grinenko U. B., Romero Reyes I. V. Semantic analysis of digital destructive content of school shooting in the social network "VKontakte". *Psychology and law*, 2021, 11(4): 180–195. (In Russ.)] <https://doi.org/10.17759/psylaw.2021110413>
29. Силантьев Р. А., Чекмаев С. В., Рагозин Ю. Г. Сатанисты против «биомусора». История мизантропической идеологии в России, или Убей биомусор! М.: Снежный ком, 2022. 222 с. [Silantev R. A., Chekmaev S. V., Ragozin Iu. G. *Satanists are against bioscum. The history of misanthropic ideology in Russia, or Kill the bioscum!* Moscow: Snezhnyi kom, 2022, 222. (In Russ.)]